

УДК 39.001
Ш 304
98349

Л. Я. ШТЕРН

ПЕРВОБЫТНАЯ

РЕЛИГИЯ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР
им. П. Г. СМИДОВИЧА

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ

ТОМ IV

Л. Я. ШТЕРНБЕРГ

ПЕРВОБЫТНАЯ РЕЛИГИЯ В СВЕТЕ ЭТНОГРАФИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ, ЛЕКЦИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Я. П. АЛЬКОРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР им. П. Г. СМИДОВИЧА
ЛЕНИНГРАД

1936

The Scientific Research Association of Smidowitch Institute of the
Peoples of the North under the Central Executive Committee of USSR
CONTRIBUTIONS TO ETHNOGRAPHY — VOL. IV

LEO STERNBERG

THE PRIMITIVE RELIGION IN LIGHT OF ETHNOGRAPHY

STUDIES, ARTICLES AND LECTURES

Preface by I. P. Alcor, Editor

Leningrad 1936

Ответственный редактор *Я. Алькор*

Технич. редактор *Д. Колограда*

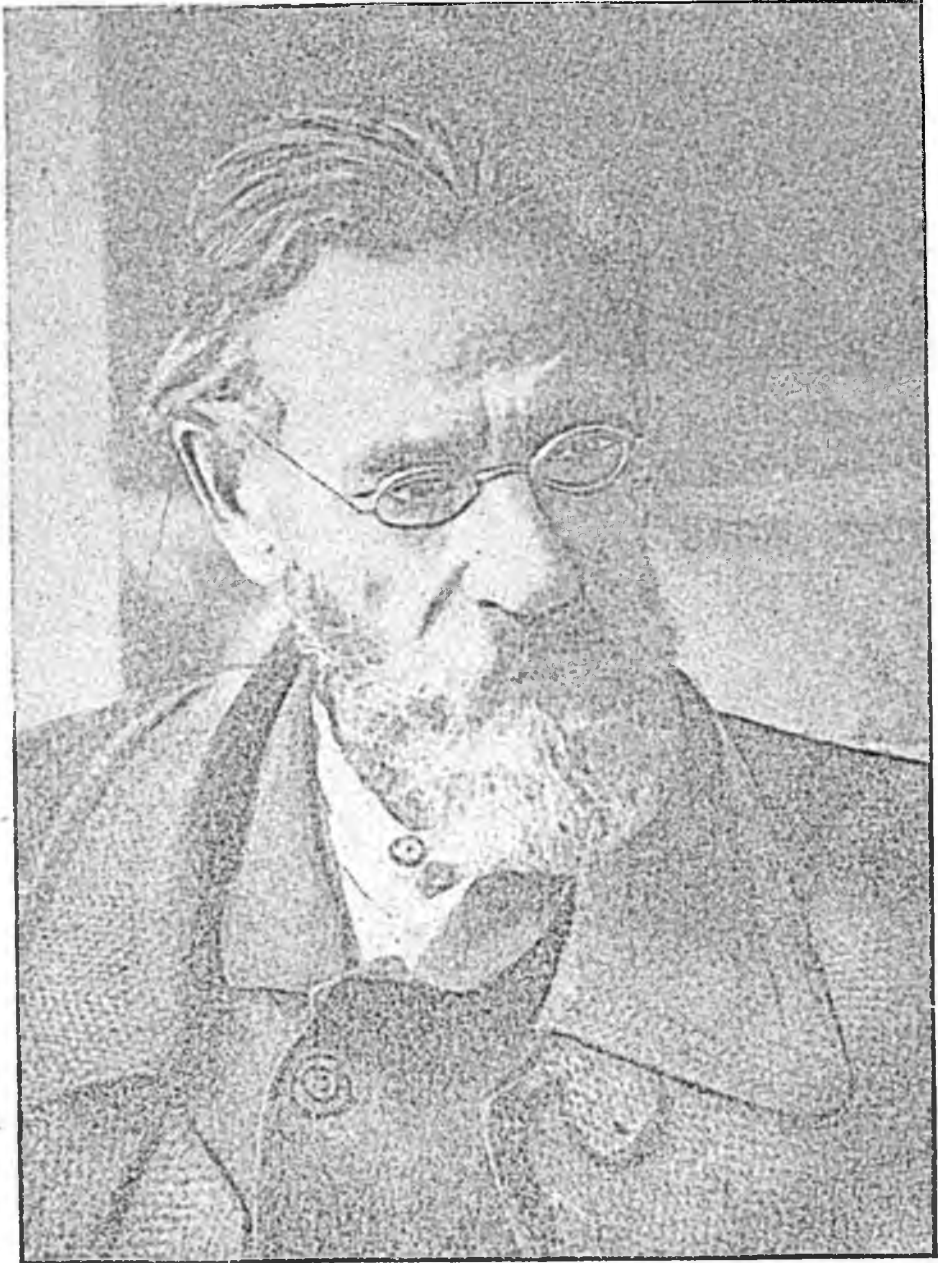
Сдана в производство 15/XI-1934 г. Подписана к печати 29/II-1936 г. Кол. тип. зн. в 1 л.
72.000, Ст.-ф. 72×110. Авт. л. 63. Бум л. 18. Тираж 5000. Ленгорлит № 5418. Зак. № 15.

Тип. „Коминтерн“ и школа ФЗУ им. КИМа. Ленинград, Красная ул., 1.

Отпечатано с матриц в тип. арт. „Советский печатник“, Ленинград, Моховая, 40. Зак. 1934.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

В настоящем сборнике собраны исследования, статьи и лекции по первобытной религии, принадлежащие перу Л. Я. Штернберга (1861—1927), крупнейшего русского этнографа конца XIX и первой четверти XX века. Вопросы генезиса и эволюции религии на ряду с вопросами первобытного социального строя занимали центральное место в научной работе Л. Я. Штернберга.

Произведения Л. Я. Штернберга, помещенные в сборнике, разбиты нами на три части. В первую часть включены исследования, во вторую — статьи из энциклопедических словарей и в третью — лекции, прочитанные им в 1925-26 и 1926-27 учебных годах на этнографическом отделении Ленинградского государственного университета. Внутри каждой части материал расположен в хронологическом порядке. В качестве введения дается одна из лучших статей Л. Я. Штернберга — «Основы первобытной религии», где он в сжатом виде излагает свои взгляды на возникновение и развитие религиозных верований.

Из помещенных в сборнике работ впервые в печати появляются «Лекции по эволюции религиозных верований», «Основы первобытной религии», «О религиозных воззрениях гольдов», «Антропоморфизм» и выступление по докладу: «Изложение взглядов Дюркгейма и его критика анимизма».

Значительная часть исследований Л. Я. Штернберга в области религии переведены на западно-европейские языки. В разные годы появились: *Die Religion der Gilyaken*, *Archiv für Religionswissenschaft*, B. VIII, 1905; *The Jnaucult of the Ainu*, *Boas Memorial Volume*, New York 1906; *Divine election in primitive Religion*, *Proceedings of the XXI International Congress of Americanists*, Göteborg 1925; *Der Zwillingskultus in China und die Indische Einflüsse*, *Baessler Archiv*, B. VIII, 1929; *Der antike Zwillingskultus im Lichte der Ethnographie*, *Zeitschrift für Ethnologie*, H. 1—3, 1930; *Der Adlerkultus bei den Völkern Sibiriens*, *Archiv für Religionswissenschaft*, XXVII, H. 1—3, Leipzig 1930.

Прежде чем перейти к изложению взглядов Л. Я. Штернберга, считаем не лишним в самых общих чертах обрисовать жизненный путь этого выдающегося исследователя первобытного общества.

Лев Яковлевич Штернберг родился 4 мая 1861 года в г. Житомире. Будучи студентом физико-математического факультета Петербургского университета, а потом юридического факультета Новороссийского университета, Л. Я. Штернберг работал в революционных кружках. За активное участие в работе партии «Народная воля» он был арестован в 1886 году и весной 1889 года, после трехлетней «отсидки» в одесской центральной тюрьме, выслан на десятилетнее поселение на остров Сахалин. Очутившись на Сахалине, Л. Я. Штернберг весь пыл своей кипучей натуры переключил на изучение туземных народностей. Во время долголетней ссылки (с мая 1889 по май 1897 года) он подробно исследовал общественный строй, религиозные воззрения и обычное право гиляков, сахалинских и амурских, айнов и различных тунгусо-манчжурских племен. Кроме того, он изучил гиляцкий язык и фольклор. Благодаря исследованиям на месте, в таком объеме редко доступным большинству этнологов, являющихся по преимуществу кабинетными учеными, Л. Я. Штернберг приобрел углубленное понимание первобытной жизни. Исследования на Сахалине и Амуре создали ему вполне заслуженный научный авторитет и выдвинули его в первые ряды этнографов нашего времени.

Во время пребывания в ссылке Л. Я. Штернбергу удалось открыть и подробно описать классификаторскую систему родства и реально еще бытующие пережитки группового

брака у гияльков, а также у орочей, и тем блестяще подтвердить правильность взглядов Ф. Энгельса и Л. Моргана на групповой брак как на всеобщую ступень в развитии человеческого общества и на классификаторскую систему родства как показатель существования группового брака. Отчет, опубликованный в «Русских ведомостях», об открытиях Л. Я. Штернберга среди гияльков вызвал немедленный отклик Ф. Энгельса, который написал письмо Л. Я. Штернбергу и перевел указанный газетный отчет с русского на немецкий язык и, снабдив его своими вступительными замечаниями, поместил в „Die Neue Zeit“ (№ 1, 1892-1893 г.) под заглавием «Ein neuentdeckter Fall von Gruppenehe»¹. Много ценного материала собрал Л. Я. Штернберг в ссылке и по религиозным верованиям упомянутых выше народностей, и этот материал впоследствии лег в основу его взглядов на возникновение и развитие религии.

В мае 1897 года Л. Я. Штернберг, попав под амнистию, согласно манифесту 1895 года, досрочно покинул Сахалин. Вернувшись в Житомир, Л. Я. Штернберг начал обработку своих материалов. В 1898 году он вступил в сношения с Академией Наук и представил через известных востоковедов, академиков В. В. Радлова и К. Г. Залемана, для напечатания свою работу — «Образцы материалов по изучению гияльцкого языка и фольклора». Осенью 1899 года он переехал в Петербург, где через некоторое время при содействии тех же лиц был привлечен в Музей антропологии и этнографии Академии Наук, сначала в качестве младшего, а с 1902 года в качестве старшего этнографа. В этом же году Л. Я. Штернберг выдержал экстерном испытания при Петербургском университете по юридическому факультету. Университетский диплом обеспечил ему право на жительство в столице, чего он как еврей не имел.

С тех пор вся последующая жизнь Л. Я. Штернберга тесно переплетена с судьбой Музея антропологии и этнографии, учреждения, развитию которого он отдал все свои силы. Когда Л. Я. Штернберг начал свою работу в музее, выставочная часть последнего была представлена всего двумя залами. К концу жизни Л. Я. Штернберга музей стал одним из крупнейших мировых центров по изучению первобытной культуры.

В 1903 году Л. Я. Штернберг избирается одним из двух секретарей Русского комитета по изучению Восточной и Средней Азии и проводит в нем большую научно-организационную работу. В 1910 году по командировке этого комитета Л. Я. Штернбергу удалось вновь поехать на Амур. Большая часть экспедиционного времени ушла у него тогда на изучение гольдов; в итоге этой работы он между прочим разработал свою теорию божественного избранничества в религии.

Далее следует также отметить, что Л. Я. Штернберг положил много труда и энергии в дело организации этнографического образования. С 1904 по 1914 год он читал эпизодические лекции по этнографии в стенах Музея антропологии и этнографии. С 1917 года состоял профессором и бессменным деканом организованного им же этнографического факультета Географического института, а затем заведующим этнографическим отделением Ленинградского государственного университета, когда географический факультет был включен в состав последнего. Школу Л. Я. Штернберга прошли все основные кадры советских этнографов.

В 1924 году Л. Я. Штернберг был избран членом-корреспондентом Академии Наук, а в 1925 году назначен членом Комитета содействия народностям Севера при Президиуме ВЦИК и принимал участие как в его работах, так и в работе северного факультета Ленинградского восточного института (теперешнего Института народов Севера ЦИК СССР).

14 августа 1927 года Л. Я. Штернберг скончался в Дудергофе под Ленинградом.

II

Для надлежащего понимания взглядов Л. Я. Штернберга на происхождение и развитие религии нужно принять во внимание, что он был сторонником психолого-эволюционной школы в этнологии (широко известной под названием классической или сравнительно-антропологической), выросшей на теоретической базе позитивизма О. Конта и эволюционизма в интерпретации Г. Спенсера. У классической школы в этнологии Л. Я. Штернберг и почерпнул свои взгляды на этнографию, единство человеческой психики, эволюцию и

¹ Русский перевод помещен в приложении к «Происхождению семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса.

сравнительный метод. Следует указать, что в те годы, когда у Л. Я. Штернберга складывалось его общее мировоззрение, он был народовольцем и как таковой — сторонником так называемой русской субъективной школы в социологии, что также наложило известный отпечаток на его теоретические построения. Таким образом этнографическое учение Л. Я. Штернберга представляет собою своеобразное сочетание субъективно-социологических и психолого-эволюционистских установок. Такое сочетание для Л. Я. Штернберга было тем легче, что исходным пунктом обеих школ служила человеческая психика. Все же в этнографическом учении Л. Я. Штернберга элементы психолого-эволюционные значительно превалируют над элементами субъективно-социологическими.

К указанному необходимо добавить, что в своих работах по первобытному социальному строю Л. Я. Штернберг выявил себя решительным сторонником Л. Моргана, который «... в границах своего предмета самостоятельно открыл во второй раз Марксово материалистическое понимание истории...»¹.

Вполне согласен Л. Я. Штернберг с главой психолого-эволюционной школы Э. Тэйлором в том, что человечество едино, что едины человеческая психика и культура и что в силу этого едины и законы развития человечества. «... В результате твоего сравнительного изучения культуры, — говорит Л. Я. Штернберг, — этнография ведет нас к тому заключению, что творчество, культуры везде и всегда шло по одним и тем же законам, что человеческая психика в своем творчестве едина, что человеческая культура так же едина, как единен ее творец — человечество в целом, и что все различия в культуре — результат не психических различий, а различий в географических и исторических условиях, условиях чисто внешних и переменчивого характера»². Но Л. Я. Штернберг идет гораздо дальше Э. Тэйлора, он признает, что «идеал культуры — коллективное творчество и равномерное распределение культурных ценностей. Всякая культура имеет тенденцию к распространению: конечная цель — универсализм и единство человеческой культуры»³.

Эти установки дали ему возможность вести решительную борьбу с расовой теорией в этнологии, утверждающей неравноценность различных рас и народов. С другой стороны, именно эти установки позволили Л. Я. Штернбергу в ряде случаев приблизиться к материалистическому пониманию этнографических явлений.

Л. Я. Штернберг, подобно другим психолого-эволюционистам, совершенно неверно рассматривает развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, а не как единство противоположностей, т. е. рассматривает его не диалектически. «Все существующее в области психической или физической, — говорит Л. Я. Штернберг, — есть результат постепенного роста, развития последовательного перехода от простейшего к сложнейшему»⁴.

Л. Я. Штернберг, как и Тэйлор, придерживается того взгляда, что человечество в своем развитии последовательно проходит одну за другой три ступени культуры: охоту, скотоводство и земледелие. Несмотря на свою явную неудовлетворительность, эта периодизация позволяет Л. Я. Штернбергу в известной мере ставить изучаемые явления в исторические рамки, пытаться выяснить специфические изменения общественных институтов, например, религии, при прохождении ими той или иной ступени культуры. Все же подлинного историзма нет в работах Л. Я. Штернберга и других эволюционистов, ибо он невозможен без понятия о социально-экономической формации.

Находя взгляды марксистов односторонними, неправильно истолковывая марксизм как «экономический материализм», Л. Я. Штернберг приходит в своих этнографических исследованиях к плюрализму, к рассмотрению разных сторон общественной жизни в их равноценной связи. Он упускает из виду, что взаимодействие само по себе ничего не объясняет, а, наоборот, само нуждается в объяснении при помощи объективного критерия, каким может быть только экономическая структура общества. «Материалистическое понимание истории, — пишет Ф. Энгельс, — зиждется на том положении, что производство, а вслед за производством и обмен продуктов служат основанием всякого общественного строя...»⁵. С другой стороны, Л. Я. Штернберг не учитывает, что как только какой-либо исторический

¹ Письмо Ф. Энгельса К. Каутскому от 16 февраля 1884 года. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VI (1), стр. 247.

² Лекции по введению в этнографию (рукопись)

³ Там же.

⁴ Сравнительное изучение религии. Наст. сб., стр. 182.

⁵ Анти-Дюринг. Собр. соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XIV, стр. 270.

момент (в том числе и религиозный) «...выдвинут в свет другими, в конце концов экономическими фактами, так он тоже действует и на окружающую его среду и даже на породившие его причины может оказывать обратное действие»¹.

Несмотря на свой плюрализм, Л. Я. Штернберг логикой фактов в ряде своих суждений вынужден признать зависимость религиозных форм и представлений от форм социального строя, все же нигде в этом признании он не доходит до понимания определяющей роли экономики в образовании социальных и в конечном счете и религиозных форм.

В этой связи привожу некоторые примеры его понимания взаимоотношений между социальным строем и религией. Так, говоря о богах первобытного общества, Л. Я. Штернберг указывает, что «сообразно своей антропоморфной природе боги жили такой же социальной жизнью, как и их поклонники. Они жили родами, племенами, и в каждой маленькой социальной группе имелись, как и у людей, выдающиеся индивидуумы, хозяева, которые играли господствующую роль среди своих божественных сородичей и такую же по отношению к покровительствуемым ими представителям человеческого рода»².

«У орочей, как и у первобытных народов вообще, — говорит в другом месте Л. Я. Штернберг, — не бог создал нас по образу и подобию своему, а, наоборот, они создали богов по своему образу и подобию. Чего нет в их общественной жизни, именно верховной власти, того они не могли внести и в мир богов»³.

«Только постепенно, с изменением социальных условий, — пишет Л. Я. Штернберг о происхождении политеизма, — меняются и образы хозяев. Из хозяев стад, охотников, первых между равными в своей среде, они превращаются во властелинов с целой иерархией безгласных подчиненных, ведущих войны, истребляющих друг друга, нередко вымещающих свою злобу на людях, требующих кровавых жертв и т. д.»⁴.

Возникновение монотеизма Л. Я. Штернберг также ставит в связь с дальнейшими изменениями социально-политического строя. Он считает, что «...политеизм, вытекающий, с одной стороны, из астрономических наблюдений и, с другой — из социально-политического строя, должен был привести к монотеизму»⁵, «к установлению полного единодержавия, — так же точно, как и в политическом строе, — при котором все помощники божества на небе уже теряют свою божественность, как и в абсолютной монархии, где существует только один управитель»⁶.

В своих работах Л. Я. Штернберг обходит вопрос о связи так называемых высших религий с классовой борьбой, он стремится рассматривать развитие их с некоей «надклассовой» точки зрения, что ему не позволяет вскрыть эксплуататорскую роль религии и не дает возможности вывести изменения в религиозных представлениях из изменений, протекающих в процессе классовой борьбы. Лишь в вопросе о генезисе монотеизма Л. Я. Штернберг касается вопроса о роли классового неравенства в развитии религии, подчеркивая, что монотеизм мог возникнуть только в классовом обществе. «Большие централизованные государства с высокоразвитой земледельческой техникой, промышленностью и т. д., — говорит он, — вместе с тем обнажили все острые стороны классового неравенства: на ряду с роскошью и богатством высших классов оказалась и крайняя обездоленность огромных масс народа. И вот религиозная мысль, которая от астрального культа пришла к идее закономерности, к идее нравственного закона, не могла примириться с этими социальными условиями»⁷. «Таким образом этический монотеизм не мог примириться с тем, чтобы мир, управляемый таким существом (божеством высшего этического совершенства — Я. А.), мог заключать в себе такую чудовищную систему противоречий и несправедливости. Следовательно, в конце концов этот высший разум и высшая справедливость должны были привести к торжеству правды, к торжеству справедливости, к установлению того, что в высших

¹ Ф. Энгельс. Письмо к Ф. Мерингу от 14 июля 1893 г. Письма К. Маркса и Ф. Энгельса. М. 1932, стр. 310.

² Анимизм. Наст. сб., стр. 235.

³ Религиозные воззрения орочей. Наст. сб., стр. 22.

⁴ Хозяин в первобытной религии. Наст. сб., стр. 217.

⁵ Эволюция религиозных верований. Наст. сб., стр. 519.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

религиях называется царством божьим на земле»¹. «Но условия жизни, — продолжает Л. Я. Штернберг, переходя к вопросу о возникновении христианства, — отнюдь не были благоприятны для создания такой психологии оптимизма. Перенесемся хотя бы в ту эпоху, когда возникло христианство, когда под пятой Римской империи стонали все народы тогдашнего мира и казалось, что преодолеть эту ужасную стихийную силу нет никакой возможности; трудно было представить себе тогда, чтобы этот режим мог смениться каким-либо более справедливым порядком. Тогда религиозная мысль из того же этического монотеизма пришла к другому заключению, именно что царство божие не от мира сего и что спасение человечества сводится к спасению индивида, и, следовательно, индивид должен искать свое спасение в самом себе. Это спасение будет отречением от той жизни, которая полна противоречий, и царство божие должно быть перенесено в другой мир, в мир будущей жизни»².

В своей исследовательской работе Л. Я. Штернберг ограничивается применением сравнительного метода, не понимая, что с помощью одного только сравнительного метода невозможно вскрыть сущность явлений. Все же необходимо отметить, что сравнительный метод «классической» школы в этнологии, невзирая на всю его недостаточность, на голову выше и прогрессивнее всех «комплексных» и других методов культурно-исторической и других модных буржуазных школ современной этнологии, лишь по названию являющихся «новыми» и «историческими».

Как сторонник психолого-эволюционной школы (кстати сказать, зачисленной современной реакционной этнологией в разряд школ безнадежно устаревших и скомпрометированных теоретической связью с марксизмом) Л. Я. Штернберг вел решительную борьбу с различными «новыми» школами и теориями. Взгляды Л. Я. Штернберга резко противоположны взглядам так называемой культурно-исторической школы — наиболее реакционному течению в этнологии, — возглавляемой патерами В. Шмидтом и В. Копперсом, утверждающей извечность единобожия, единобрачия и частной собственности. Говоря о В. Шмидте и его работах (а это в полной мере может быть распространено и на его adeptов), Л. Я. Штернберг указывает, что «в течение многих лет он [В. Шмидт] тенденциозно пропагандирует эти воззрения в своем влиятельном журнале «Anthropos», который благодаря богатым издательским средствам сумел привлечь к себе сотрудничество, помимо целого ряда исследователей-миссионеров, очень выдающихся этнологов»³. Признав взгляды культурно-исторической школы тенденциозными, открыто направленными на защиту религии и несовместимыми, с его точки зрения, с наукой, Л. Я. Штернберг впал в своеобразный ангиллизм: он полностью игнорирует в своих работах взгляды представителей этой школы и считает лишним отводить место для их опровержения.

III

В вопросе о происхождении и развитии религии Л. Я. Штернберг является убежденным сторонником анимистической теории. Тем не менее его интерпретация анимизма в ряде существенных пунктов значительно отличается от взглядов Тэйлора и в особенности Спенсера.

Свои первоначальные взгляды об анимистическом характере религиозных верований Л. Я. Штернберг выработал вне непосредственного влияния основоположников анимистической теории. Во время своих первых путешествий к гилякам (в 1891 г.) он не был еще знаком с работами Тэйлора и Спенсера. «Первобытную религию» Тэйлора, — свидетельствует С. А. Ратнер-Штернберг, — Лев Яковлевич прочел уже после того, как он написал свою первую работу о гиляках, и впоследствии при случае вспоминал, что испытал при этом двойственное чувство: с одной стороны — разочарование, что он открыл уже открытую Америку, а с другой — удовлетворение, что его выводы совпадают со взглядами этого крупного мыслителя»⁴.

¹ Эволюция религиозных верований. Наст. сб., стр. 519.

² Там же, стр. 519—520.

³ Современная этнология. «Этнография». М. 1926, № 1—2, стр. 24—25.

⁴ Сб. «Памяти Л. Я. Штернберга». Изд. Акад. Наук, 1930, стр. 99, примечание.

момент (в том числе и религиозный) «...выдвинут в свет другими, в конце концов экономическими фактами, так он тоже действует и на окружающую его среду и даже на породившие его причины может оказывать обратное действие»¹.

Несмотря на свой плюрализм, Л. Я. Штернберг логикой фактов в ряде своих суждений вынужден признать зависимость религиозных форм и представлений от форм социального строя, все же нигде в этом признании он не доходит до понимания определяющей роли экономики в образовании социальных и в конечном счете и религиозных форм.

В этой связи привожу некоторые примеры его понимания взаимоотношений между социальным строем и религией. Так, говоря о богах первобытного общества, Л. Я. Штернберг указывает, что «сообразно своей антропоморфной природе боги жили такой же социальной жизнью, как и их поклонники. Они жили родами, племенами, и в каждой маленькой социальной группе имелись, как и у людей, выдающиеся индивиды, хозяева, которые играли господствующую роль среди своих божественных сородичей и такую же по отношению к покровительствуемым ими представителям человеческого рода»².

«У орочей, как и у первобытных народов вообще, — говорит в другом месте Л. Я. Штернберг, — бог создал нас по образу и подобию своему, а, наоборот, они создали богов по своему образу и подобию. Чего нет в их общественной жизни, именно верховной власти, того они не могли внести и в мир богов»³.

«Только постепенно, с изменением социальных условий, — пишет Л. Я. Штернберг о происхождении политеизма, — меняются и образы хозяев. Из хозяев стад, охотников, первых между равными в своей среде, они превращаются во властелинов с целой иерархией безгласных подчиненных, ведущих войны, истребляющих друг друга, нередко вымещающих свою злобу на людях, требующих кровавых жертв и т. д.»⁴.

Возникновение монотеизма Л. Я. Штернберг также ставит в связь с дальнейшими изменениями социально-политического строя. Он считает, что «...политеизм, вытекающий, с одной стороны, из астрономических наблюдений и, с другой — из социально-политического строя, должен был привести к монотеизму»⁵, «к установлению полного единодержавия, — так же точно, как и в политическом строе, — при котором все помощники божества на небе уже теряют свою божественность, как и в абсолютной монархии, где существует только один управитель»⁶.

В своих работах Л. Я. Штернберг обходит вопрос о связи так называемых высших религий с классовой борьбой, он стремится рассматривать развитие их с некоей «надклассовой» точки зрения, что ему не позволяет вскрыть эксплуататорскую роль религии и не дает возможности вывести изменения в религиозных представлениях из изменений, протекающих в процессе классовой борьбы. Лишь в вопросе о генезисе монотеизма Л. Я. Штернберг касается вопроса о роли классового неравенства в развитии религии, подчеркивая, что монотеизм мог возникнуть только в классовом обществе. «Большие централизованные государства с высокоразвитой земледельческой техникой, промышленностью и т. д., — говорит он, — вместе с тем обнажили все острые стороны классового неравенства: на ряду с роскошью и богатством высших классов оказалась и крайняя обездоленность огромных масс народа. И вот религиозная мысль, которая от астрального культа пришла к идее закономерности, к идее нравственного закона, не могла примириться с этими социальными условиями»⁷. «Таким образом этический монотеизм не мог примириться с тем, чтобы мир, управляемый таким существом (божеством высшего этического совершенства — Я. А.), мог заключать в себе такую чудовищную систему противоречий и несправедливости. Следовательно, в конце концов этот высший разум и высшая справедливость должны были привести к торжеству правды, к торжеству справедливости, к установлению того, что в высших

¹ Ф. Энгельс. Письмо к Ф. Мерингу от 14 июля 1893 г. Письма К. Маркса и Ф. Энгельса. М. 1932, стр. 310.

² Анимизм. Наст. сб., стр. 235.

³ Религиозные воззрения орочей. Наст. сб., стр. 22.

⁴ Хозяин в первобытной религии. Наст. сб., стр. 217.

⁵ Эволюция религиозных верований. Наст. сб., стр. 519.

⁶ Там же.

⁷ Там же.